

Тургенев Иван Сергеевич

**Письма к госпоже Полине
Виардо и его французским
друзьям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Письма к госпоже Полине Виардо и его французским друзьям / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 391 с.

ISBN 978-5-519-77942-5

Густаву Флоберу и г-же Комманвиль, г-же Жорж-Занд, Эмилю Зола, Гюи де-Мопассану, Сент-Беву, Теофилю Готье, Шарлю Эдмонду, Ипполиту Тэну, Эрнесту Ренану

ISBN 978-5-519-77942-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ издателя.

Предлагая въ настоящее время русской публикѣ переводъ французскихъ писемъ И. С. Тургенева, собранныхъ и изданныхъ г. Гальперинымъ-Каминскимъ въ періодъ времени 1896 — 1898 годовъ, мы должны оговориться, что, изъ числа опубликованныхъ г. Каминскимъ писемъ, нами исключены всѣ письма покойнаго писателя къ князю А. Голицыну, переводчику на французскій языкъ повѣсти «Дымъ», и одно письмо къ г. Шевыреву. Исключеніе это сдѣлано нами какъ на основаніи правъ литературной собственности на эти письма, всецѣло принадлежащихъ кн. Голицыну и г. Шевыреву, такъ и потому, что опубликованіе на русскомъ языкѣ первыхъ изъ этихъ писемъ—къ князю Голицыну—имѣющихъ интересъ единственно въ виду возстановленія покойнымъ Иваномъ Сергѣевичемъ, во французскомъ переводѣ, тѣхъ мѣстъ повѣсти «Дымъ», которыя оказались исключенными изъ нея, какъ при первоначальномъ появленіи ея въ русскомъ журналѣ, такъ и въ послѣдствіи въ полномъ собраніи сочиненій Тургенева,—представляется еще неудобнымъ и несвое-

временнымъ, и имѣетъ значеніе только какъ фактъ литературной исторіи, который несомнѣнно и найдетъ себѣ мѣсто и надлежащую оцѣнку при послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Тургенева владѣльцами авторскаго на нихъ права. Поэтому мы считаемъ возможнымъ ограничиться лишь настоящимъ библиографическимъ указаніемъ относительно пропущенныхъ въ русскихъ изданіяхъ мѣстъ одного изъ наиболѣе тенденціозныхъ произведеній покойнаго нашего писателя *).

Что же касается до письма къ г. Шевыреву, то оно не представляетъ рѣшительно никакого интереса. Это простое рекомендательное письмо къ г. Шевыреву относительно одного француза (г. де-Турнефоръ) искавшаго мѣсто наставника въ Петербургѣ,—и написано въ обычномъ стилѣ подобныхъ писемъ. Изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ писемъ наибольшій интересъ представляютъ конечно письма къ г-жѣ Полинѣ Віардо и къ Густаву Флоберу. Письма эти и помѣщаются нами впереди всѣхъ остальныхъ **). Въ предисловіи г. Гальперина-Каминскаго къ письмамъ къ г-жѣ Віардо читатель найдетъ подробныя указанія, при какихъ условіяхъ появились въ печати эти письма покойнаго Ивана Сергѣевича къ извѣстной испано-французской пѣвицѣ, т. е. съ сокращеніями, которыя вѣроятно во многихъ случаяхъ становились и искаженіями самого текста. Однако и то, что осталось, пред-

*) Переводъ Тургеневскаго „Дыма“ появился въ 1867 году, въ издававшемся кн. А. Голицынымъ въ Парижѣ журналѣ „Le Correspondant“.

**) Также и у г. Гальперина-Каминскаго. Относительно другихъ писемъ порядокъ собирателя нами измѣненъ, и они сгруппированы нами въ соответствии съ предисловіями г. Гальперина-Каминскаго.

ставляетъ несомнѣнный интересъ для характеристики того, какъ слагались общія воззрѣнія покойнаго писателя и его художественныхъ и литературныхъ взглядовъ.

Что жъ касается до *истиннаго значенія* въ жизни нашего писателя его отношеній къ супругамъ Віардо, то съ полной достовѣрностью судить объ этомъ на основаніи нынѣ публикуемыхъ отрывковъ переписки между ними и Тургеневымъ весьма трудно, да и врядъ ли окажется вообще возможно до тѣхъ поръ, пока не увидятъ свѣтъ въ полномъ объемѣ его письма къ четѣ Віардо, и пока не будутъ опубликованы и отвѣтныя письма супруговъ Віардо къ Тургеневу, если только эти послѣднія письма сохранились.

Письма къ Густаву Флоберу сохранились, повидимому, всѣ. Читатель очень скоро убѣдится, что Флоберъ является центральною фігурою во всѣхъ отношеніяхъ Тургенева къ иностраннымъ писателямъ, и занимаетъ въ этихъ отношеніяхъ совершенно исключительное мѣсто. Врядъ ли это не было единственное лицо, изъ писателей иностранныхъ, къ которому покойный русскій писатель въ дѣйствительности относился какъ равный къ равному,—за исключеніемъ развѣ Ренана, къ которому только *одному* изъ всѣхъ Тургеневъ пишетъ съ обращеніемъ «учитель» (*cher maître*)—и котораго надгробное напутствіе праху Тургенева, при перевозкѣ онаго на родину, необыкновенно по своему глубокому проникновенію, и духа самого почившаго писателя, и «славянской души» вообще.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти письма свидѣтельствуютъ неопровержимо, что Тургеневъ,—чистокровный *западникъ*,

былъ вмѣстѣ съ тѣмъ *искреннимъ патриотомъ*, всѣмъ сердцемъ любившимъ Россію. Трогательны и необыкновенно характеристичны эти признанія (въ письмахъ къ Флоберу), что покойный Иванъ Сергѣевичъ, — годами проживавшій за границею, — нигдѣ не могъ работать такъ, какъ въ «своемъ Патмосѣ», т. е. въ селѣ Спасскомъ, въ своей орловской глуши...

Затѣмъ, мы должны оставить на полной отвѣтственности г. Гальперина-Каминскаго его сужденія о вліяніи на «развитіе таланта» Тургенева его друзей изъ иностранныхъ литераторовъ, которымъ онъ будто бы обязанъ своимъ «яснымъ, сдержаннымъ слогомъ» и «формою, достигающей совершенства». Читатель очень скоро убѣдится самъ, что это личное мнѣніе собирателя Тургеневскихъ писемъ стоитъ не только въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, но даже съ приводимыми самимъ же г. Гальперинымъ-Каминскимъ отзывами Мериме и Жоржъ Зандъ о сравнительномъ достоинствѣ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ произведеній. То же самое мы должны сказать и объ отзывѣ г. Каминскаго относительно вліянія Жоржъ Зандъ на «талантъ» Тургенева и о параллели между „*Рудинымъ*“ и „*Горасомъ*“ французской писательницы.

Далѣе, — мы не можемъ не обратить вниманіе читателей на вопль, вырвавшійся у Тургенева изъ очевидно потрясенной до самой глубины души, по поводу смерти Гоголя (письмо къ г-жѣ Віардо 21 февр. 1852 г.). Этотъ вопль, наряду съ почти пророческими словами покойнаго Ивана Сергѣевича относительно графа Л. Н. Толстого, показываетъ, какъ глубоко и вѣрно понималъ

Тургеневъ кто суть истинные родоначальники всей нашей литературы, и гдѣ лежатъ дѣйствительные корни русскаго художественнаго слова и умственной жизни русскаго народа.

Наконецъ, обращаясь къ самому переводу французскаго текста писемъ, мы должны сказать, что хорошо сознавали всю отвѣтственность переводить *Тургенева* на русскій языкъ,—и что было бы не только непростительной дерзостью, но прямо *безуміемъ*,—даже пытаться передать этотъ текстъ такъ, какъ *написалъ бы его по-русски* самъ Тургеневъ. Ибо врядъ ли бы даже онъ самъ—этотъ несравненный мастеръ слова и художникъ-стилистъ,—былъ бы въ состояніи сдѣлать *вполнѣ однородный съ подлинникомъ* переводъ собственнаго французскаго текста, и содержаніе этихъ писемъ, если бъ они писались Тургеневымъ по-русски, вылилось бы у него несомнѣнно въ иную, и далеко не схожую съ иноязычнымъ текстомъ, форму. Поэтому, при обработкѣ перевода, старались держаться лишь того, чтобы онъ *точно выразилъ мысль* покойнаго писателя, и былъ бы, въ русской передачѣ, по возможности близокъ къ тому, какъ *выразился Тургеневъ по-французски*, хотя бы даже это покупалось цѣною нѣкоторой шероховатости въ русскомъ текстѣ. Первоначальный переводъ былъ сдѣланъ А. В. Перелыгиной, а затѣмъ просмотръ корректурныхъ листовъ, свѣрку перевода съ подлинникомъ и его окончательную редакцію, принялъ на себя одинъ изъ нашихъ публицистовъ, хорошо знающій французскій языкъ и французскую литературу. Ему же принадлежатъ и весьма многія изъ подстрочныхъ примѣчаній внизу текста. Примѣчанія, сдѣланныя г. Гальперинымъ-Камин-

скимъ, сохранены нами полностью, хотя бы они и казались намъ иногда излишними.

Отдавая настоящій сборникъ на судъ публики, мы смѣемъ выразить надежду, что онъ составитъ не лишнее значеніе дополненіе къ собранію сочиненій нашего великаго писателя и серьезное подспорье для лицъ, занимающихся изученіемъ его сочиненій и біографіи.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Письма знаменитаго русскаго писателя Ивана Сергѣевича Тургенева, адресованныя къ его французскимъ литературнымъ друзьямъ, представляютъ двойной интересъ: они цѣнны, во-первыхъ, по своему литературному достоинству, какъ все, что выходило изъ-подъ пера этого великаго стилиста, и, во-вторыхъ, они открываютъ неизвѣстную до сихъ поръ сторону его литературной жизни.

Русскіе часто упрекаютъ своего великаго писателя за то, что онъ провелъ большую часть своей жизни за границей, а слѣдовательно не могъ находиться въ непосредственномъ соприкосновеніи съ людьми и событіями, о которыхъ говорить въ своихъ произведеніяхъ. Нѣкоторые изъ его русскихъ біографовъ утверждаютъ даже, что та среда, въ которой онъ такъ долго жилъ, окончательно оторвала его отъ русской земли, не давъ ему замѣнить ни семьи, ни глубокихъ дружескихъ связей на этой французской землѣ, гдѣ онъ всегда оставался, — утверждаютъ они, — нравственно одинокимъ. „Пробываніе внѣ Россіи не принесло Ивану Сергѣевичу нравственнаго удовлетворенія со стороны чужихъ, а свой съ каждымъ годомъ все больше и больше отдалялись отъ него“, говорить одинъ изъ этихъ біографовъ, г. Ивановъ.

Этотъ писатель, недавно *) издавшій объемистый этюдъ, въ которомъ соединилъ всѣ до сихъ поръ извѣстные русскому обществу матеріалы, основывается на нихъ въ своихъ обвиненіяхъ французскихъ друзей русскаго писателя, и доказы-

*) Въ 1896 г.

ваетъ, что вліяніе ихъ на него ограничивалось застольной бесѣдой, обыкновенно вертѣвшейся около женщинъ и любви; и это потому, что Эд. Гонкуръ говоритъ гдѣ-то въ своемъ „*Дневникъ*“: „женщины, любовь—вотъ обычная тема разговора умныхъ людей во время ѣды и питья. Сначала разговоръ немного игривъ, и Тургеневъ слушаетъ насъ съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ ужасомъ варвара, который умѣетъ любить только самымъ простымъ, естественнымъ образомъ“.

По мнѣнію г. Иванова, „судьба, связавшая Тургенева съ французскою семьей и французскимъ обществомъ, выказала мало материнскихъ попеченій о талантѣ и нравственномъ мірѣ русскаго писателя. Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—въ чемъ состояло для Тургенева „семейное счастье“ подъ кровлей Віардо. Это въ дѣйствительности было многолѣтнее *недоразуміе*, которое породило въ его душѣ только горечь душевнаго одиночества и тоску неудовлетвореннаго чувства. Мы видѣли также, какихъ радостей могъ ожидать Тургеневъ отъ парижскихъ товарищей: дружба съ ними была не что иное, какъ простое знакомство людей, собирающихся въ однихъ и тѣхъ же ресторанахъ; обитателямъ виллы „des Grênes“ *) и завсегдатаямъ кафе Ришъ Тургеневъ былъ одинаково чуждъ“.

Если бы г. Ивановъ перелистовалъ „*Дневникъ Гонкуровъ*“, то онъ могъ бы убѣдиться, что когда завсегдатаи обѣда Маньи (носившаго также названіе „Обѣда пятерыхъ“:—Тургеневъ, Гонкуръ, Флоберъ, Зола и Додэ) или кафе Ришъ говорили о женщинахъ и о любви, то они говорили какъ психологи и литераторы, и что чтеніе этого „*Дневника*“, и находящіяся въ немъ замѣчанія относительно писателей представляютъ несомнѣнный литературный интересъ, и послужили самому г. Иванову для его критической оцѣнки нравственной личности Тургенева.

Изъ издаваемыхъ нами теперь писемъ можно видѣть, что отношенія Тургенева къ его французскимъ друзьямъ носили главнымъ образомъ интеллектуальный характеръ, и что многіе

*) Помѣстье Віардо въ Буживалѣ.

изъ этихъ друзей,—какъ г. и г-жа Віардо сначала, и Флоберъ впоследствии,—имѣли благотворное вліяніе на развитіе его таланта. И конечно этому вліянію слѣдуетъ приписать его ясный, сдержанный слогъ, его простую форму, достигающую совершенства именно благодаря своей простотѣ,—качество, столь рѣдкое у русскихъ писателей, даже лучшихъ.

Когда въ 1843 г. Тургеневъ познакомился съ семействомъ Віардо, ему недавно передъ тѣмъ исполнилось двадцать пять лѣтъ, и имя его было совершенно неизвѣстно въ русской литературѣ. Тогда онъ страстно увлекался только охотой, и именно на одной изъ охотъ его и познакомили съ г. Віардо,—который уже жила въ Россіи, зналъ русскій языкъ и собирался познакомить Францію съ лучшими произведеніями русской литературы. Онъ уже былъ извѣстенъ своими учеными работами по искусству и иностранной литературѣ. Г-жа Віардо, тогда еще очень молодая, была уже знаменитою пѣвицей, соединявшей съ замѣчательною виртуозностью внутренній огонь, глубокое чувство, и тотъ изящный вкусъ, который такъ волнуетъ душу. Эта чета художниковъ должна была произвести сильное и прочное впечатлѣніе на эстетическую натуру Тургенева. И дѣйствительно дружба, которую онъ съ тѣхъ поръ сохранилъ къ семейству Віардо, носила въ продолженіе сорока лѣтъ, до самой его смерти, характеръ артистической и интеллектуальной симпатіи *).

„Чужая сторона давала ему то, чего недоставало ему въ родномъ обществѣ“,—говоритъ другой изъ русскихъ биографовъ Тургенева, г-жа Андреева.—„Тѣ потребности его художнически-изящной натуры, которыя у насъ находили мало оцѣнки и поддержки, нашли удовлетвореніе въ средѣ, созданной имъ въ семьѣ Віардо...“ И она говоритъ въ заключеніе, такъ же хорошо отзываясь о Віардо, какъ и о дру-

*) Г. Гальперинъ-Каминскій повторяетъ многія изъ свѣдѣній и отзывовъ, заключающихся въ этомъ „вступленіи“—затѣмъ въ отдѣльныхъ „предисловіяхъ“, которыми онъ сопровождаетъ ту или другую группу писемъ. Мы не сочли нужнымъ сдѣлать сокращеніе этихъ повтореній, и ограничиваемся лишь этою оговоркою для предупрежденія читателя.

гихъ французскихъ друзейхъ Тургенева: „своей симпатіей къ его литературности, своей преданностью искусству, свободой и искренностью своихъ взглядовъ на вещи, они дали Тургеневу среду, которая лучше всего гармонировала съ его характеромъ... Эта семья и друзья дали ему возможность заниматься своимъ излюбленнымъ дѣломъ до конца, на славу родины, которой онъ никогда не забывалъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не сказалъ самъ Тургеневъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*: „Я знаю навѣрно, что я, конечно, не написалъ бы *Записокъ охотника*, если бѣ остался въ Россіи“.

Откуда же эта меланхолія, которой дѣйствительно проникнуты его интимныя письма? Неужели причина ея лежитъ въ его нравственномъ одиночествѣ, какъ увѣряетъ г. Ивановъ? Конечно, нѣтъ, и самъ Тургеневъ объясняетъ ее намъ:

„Тотъ бытъ, та среда и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ,—полоса помѣщичья и крѣпостная,—не представляли ничего такого, что бы могло удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія, отвращенія наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести общею колеей, по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко къ моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ...“ (Т. X. Полнаго собранія соч. Тургенева) *).

Нужно прибавить, что климатъ Россіи, по крайней мѣрѣ той части ея, которую онъ посѣщалъ, не благопріятствовалъ ему. Пріѣзжалъ ли онъ въ Петербургъ или въ Москву, или въ свое имѣніе Спасское,—онъ чаще всего страдалъ припадками подагры, или другой какой-нибудь болѣзью. Рѣдко, когда въ письмахъ его изъ Россіи нѣтъ жалобы по этому поводу.

Но въ очень интересномъ и очень подробномъ письмѣ, которое я получилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ извѣстнаго поэта Полонскаго, самаго стариннаго и самаго вѣрнаго друга Тургенева, я читаю между прочимъ:

*) *Литературныя и житейскія воспоминанія*. „Вмѣсто вступленія“.